

УДК 101.1: 316

Яковлева Елена**В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЭПАТАЖ КАК СЛЕД
СОВРЕМЕННОСТИ/СО-ВРЕМЕННОСТИ**

В статье рассматривается один из современных методов поиска идентичности, связанный с эпатажным поведением как специфического следа. Парадоксальность подобного метода проявляется в том, что он являет собой одновременное начертание и стирание, что не способствует обнаружению идентичности, а усугубляет кризисность.

Ключевые слова: идентичность, эпатаж, след, медийный спектакль, уже-сделанный-вымышленный-образ.

Яковлєва О.**В ПОШУКАХ ИДЕНТИЧНОСТІ: ЕПАТАЖ ЯК СЛІД
СУЧАСНОСТІ/СПІВ-ЧАСНОСТІ**

У статті розглядається один із сучасних методів пошуку ідентичності, пов'язаний з епатажною поведінкою як специфічним слідом. Парадоксальність подібного методу проявляється в тому, що він є одночасним накресленням та стиранням, що не відповідає виявленню ідентичності і посилює кризовість.

Ключові слова: ідентичність, епатаж, слід, медійний спектакль, уже-зроблений-вигаданий-образ.

Yakovleva E.**IN SEARCH OF IDENTITY: EPATAZH
AS A MODERN/WITH-MODERN TEMPORALITY**

The article describes one of the modern methods of finding identity associated with the epatazh behavior as a specific trace. The paradox of this method is that it is a simultaneous inscription and erasure, which does not help detect identity and adds to the crisis.

Keywords: identity, epatazh, a trace, a media spectacle, already-made-a fictional image.

В современном мире, пронизанном разного рода кризисами и динамическими изменениями, потерями социальных «опор» в виде нации/коллектива/семьи, человек начинает ощущать опустошенность своего существования. Все в его жизни становится ненадежным, нестабильным, временным и подвижным. Сам человек находится в состоянии переходности-к: с ним начинают происходить бесконечные перемены, вследствие которых он постоянно оказывается в новом качестве, теряя самого себя и свою идентичность. Подчеркнем, after-postmoder'нистские поиски идентичности осуществляются необычными, порою паралогичными методами, в том числе посредством эпатажа, становящегося объектом исследовательского интереса.

В современности проявление себя в виде следа в мироздании выступает как мания, перекрывающая пути и возможности познания [1]. Нередко след связан с эпатажным поведением, «криком» о себе, облакаясь в медийный спектакль или лайфлоггинг, где иллюстрируется не человек в бытии-для-себя, а человек – как уже-сделанный-вымышленный-образ в бытии-для-других. Эпатаж представляет собой трансгрессивный шаг, нагло рвущий границы традиционного, дозволенного, привычного. Он, преодолевая существующий запрет посредством провокационного вызова, претендует на сенсацию, а значит известность, славу, материальное вознаграждение и пр. Цель эпатажа, сопровождающегося демонстративно-скандальным поведением и шокирующими выходками, связана с привлечением внимания к собственной персоне, попыткой осмыслить себя и обнаружить свою идентичность.

Эпатаж как след являет присутствие человека в бытии. Именно след проводит феноменологическое различие (diference), выявляемое в различании (differance) расового, национального, профессионального, социального, профессионального и другого, что трансформирует реальность в состояние дигитальности. При этом след, как и все в Зазеркальной (пост)современности, парадоксален: он олицетворяет не только человека, но и его перечеркивание, то есть «первоначальное прослеживание и стирание». По мнению Ж. Дерриды, «способ начертания такого следа в метафизическом тексте настолько немислим, что его нужно описать как стирание самого следа. След продуцируется как свое собственное стирание. И следу следует стирать самого себя, избегать того, что может его удержать как присутствующий. След ни заметен, ни незаметен»

[2, с. 21]. Таким образом, следуя логике размышлений Ж. Дерриды, след вместо обнаружения себя и своей идентичности дает отрицательный результат: он есть неустойчивое состояние, можно сказать – мерцание, проявляющее человека как «зачеркнутого человека» в его отражении и имитации, собственного стирания присутствия и отсутствия. Сегодня это подтверждает уже-сделанный-вымышленный-образ, являя в-бытии-для-других постоянно меняющуюся маску, стирающую истинное лицо человека.

Желание быть в фокусе внимания стимулирует выдумывание и театральное режиссирование бесконечных эпизодов жизни. В этом процессе производства историй уже-сделанный-вымышленный-образ как след «запечатлевает себя отнесением к другому следу», поэтому «его собственная сила производства прямо пропорциональна силе его стирания» [2, с. 22]. Из этого вытекает, что все современные эпатажные спектакли сиюминутны: они мгновенно рождаются и также быстро забываются, причем не только реципиентами, но и самими создателями (технологами). Более того, соотношение реального и фантазийного в этих спектаклях нарушено в сторону несуществующего, что вносит «раскол присутствия» в саму эпатажную личность. В бесконечных монологах о себе отсутствует драматургическое развертывание ситуации, объединяются противоречащие друг другу элементы, используются «скачки», нарушающие переход от одного рассуждения к другому, главенствуют абсурд и «черный юмор», мотивы телесности и соблазна. Созданный спектакль представляет собой ризоматичную конструкцию без детального драматургического плана: его сценарий постоянно корректируется в зависимости от обстоятельств. Но привлекательным этот спектакль делают элементы недосказанности, секретности, чудесности, что осуществляется с помощью сюжетной канвы, построенной алогично, фрагментарно, клипово, но преподнесенной эмоционально и эффектно визуализированной. Подчеркнем, уже-сделанный-вымышленный-образ технологичен: в нем практически нет места естественному, зато преобладает искусственное, созданное специально и акцентированное дигитальными технологиями. В итоге рождается симуляция будто-жизни уже-сделанного-вымышленного-образа: умирая как естественная личность (перечеркивая себя), рождается искусственный персонаж, живущий театрально, напоказ и провоцируя интерес к себе посредством эпатажа.

Медійні спектакли і лайфлогінг є нічим іншим, як «тщетні притворні спроби породити якусь-то життя помімо той, яка вже існує», що в результаті сприяє «безрізницю до власному існуванню» [3, с. 8] і ще більшому стиранню/перечеркуванню себе. Через ЗМІ і Інтернет спектакли миттєво стають достоянням широких мас, активно обговорюються, не піддаючись ніякому сумніву. Проблема в тому, що вже-зроблений-винайдений-образ самодостаточний: він, внедряючись в свідомість людини, незаметно заповнює його внутрішній світ і починає керувати світом цінностей, стаючи «цензором прийнятної або неприйнятної, видимої, броскої в очі або ушедшої в тінь, витесненої, ігноруваної» [4, с. 40]. В результаті виникає нова ситуація, коли не люди думають образами, а, навпаки, *образи думають людьми*. Друге питання, що вже-зроблений-винайдений-образ являє нам імморалізм: він нагль, трансгресивний і паралогічний, створює світ антицінностей, в межах якого стебає над культурою. Він живе по особливим егоїстичним принципам, не вважаючи про Другого, що ще раз підтверджує ідею М. Фуко про те, що совість абсолютно надлишковий інструмент Суб'єкта. Але при цьому в його проступках немає провини, тому що Суб'єкт отождествляє себе з образами, до яких раніше нічого не було, включаючи і самого суб'єкта. В результаті внедрення і поширення подібної симулятивно-імморальної інформації починає відбуватися трансформація образу життя людей і їх світоглядів, спотворюється шкала духовних цінностей і втрачається ідентичність, виникає ситуація «прозорості зла».

Усилює «прозорість зла» сучасна тенденція, пов'язана з модою на епатаж. Тут так само необхідно розставити певні акценти. Мода – тимчасово-скользящий, ефемерно-ідеологічний зразок. Як справедливо пише Ж. Бодрийяр, виступаючи «глибинним соціальним механізмом», вона пов'язана з «розпадом раціональності», в результаті чого «розум потрапляє в руки простого, чистого чередування знаків», стаючи «несучасним» явищем [5, с. 117]. Крім того, мода рекурсивна [6]: вона нескінченно повторюється, повертаючись до «уже минулого», вільно комбінуючи свої складові і експлуатуючи принципи задоволення і реальності (втілення).

Модные тенденции проявляются во всем облике уже-сделанного-вымышленного-образа, конструируя его имидж, приспособленный для разного рода представлений: он делает видимым/невидимым то, что необходимо показать/спрятать. Имидж искусственен: в нем нет индивидуальности и все подогнано под модные стандарты. Цель подобной художественной искусственности – стать известным, поднять рейтинг популярности, произвести благоприятное впечатление и пр. Можно сказать, что имидж есть театральная маска, прагматично подстраивающаяся под ситуации. Неслучайно поэтому к имиджу применимы различные технологии, в том числе дигитальные, благодаря которым он создается, контролируется либо стирается, что соответствует концепту следа и его современности/со-временности.

Осуществляя деконструкцию эпатажной выходки, выявляется ее смысловая симулятивность, высвечивая «смерть человека» (М. Фуко) и его идентичности. Потому что, преследуя идею следа как известности и эксплуатируя низменные инстинкты, обволакивающиеся флером экзистенциальности, технологи создают спектакль с пониженной смысловой нагрузкой и ограниченным спектром значений, смысл которых мифологизирован.

Распространенный сегодня эпатажный спектакль являет собой не лучшее дополнение к миру действительности. Отражая и формируя модные тенденции в образе жизни, он являет повседневность как «дурную бесконечность»: здесь все симулятивно и рекурсивно, смыслы оборваны, опошлены или отсутствуют, есть начала и концы историй напоказ, но нет цельности и завершенности. Современная «звезда ничего», вообразив себя Божеством, ведет себя вызывающе, неадекватно реальности, являя «восстание мертвой вещи». Многие аспекты эпатажного поведения происходят на грани патологии, хотя в действительности у человека не наблюдается никакого расщепления сознания (шизофрении). Свои немислимые мысли, вернее их отсутствие, «звезда ничего» выражает посредством мема (по К.Р. Докинзу, «эгоистичный ген»). Обладая высокой степенью вирулентности, он быстро размножается в социокультурном пространстве подобно компьютерному вирусу. Эпатажные проявления уже-сделанного-вымышленного-образа демонстрируют вместо красоты безобразие, грязь, циничное равнодушие и «черное» отчаяние. Соглашаясь с Ж. Бодрийаром, подчеркнем: смерть реальности, связанная с

симулятивністю, повлекла за собою і смерть мистецтва. Епітажне симулювання сприяє тому, що в мистецтві з'являються подвійні «стратегії: стерти сліди реальності і одночасно протидіяти цьому стиранню» [3, с. 240].

Манія сліда в історії обумовлена багатьма факторами. По-перше, вона пов'язана з бажанням проявити себе в быті, самоствердитися, знайти свою ускользаючу ідентичність, являючи одночасне «присутствие-отсутствие» в Dasein. По-друге, слід допомагає одержати гармонію і знайти певну істину, привносячи сенс у життя. По-третє, духовна порожнеча сучасного людини і його повне нічого не зроблено в результаті створення видимості роботи породжують екзистенціальну скуку, і епітажний слід виступає як ілюзія динаміки життя. Звернемо увагу, задоволення від подібного способу самовираження отримують небагато і тимчасово. Проблема в тому, що світ гламура як нескінченно продовжується свято привабливий, і, щоб не загубитися в ньому, необхідно постійно підтримувати інтерес до себе, в тому числі шляхом створення епітажних епізодів як рекурсивних перешкодок самому собі. Само бытие Dasein в контексті епітажа-в-епітажності виступає симуляцією «мистецтва Быть» [7]. В результаті людина, не здатний закрити кінець безглуздої гри, губить самого себе, «саме само» (Лосев А.Ф.).

Підводячи висновки, підкреслимо: епітаж являє певний слід в быті культури, в якому закладено як позитивні, так і негативні імпульси. С однієї сторони, епітаж сприяє народженню нового, стимулюючи подальше розвиток. Але з іншої сторони, епітаж паразитує в сучасності на духовній порожнечі і імморалізмі. Епітаж стає все більш звичним явищем, не вимагаючи від реципієнтів рефлексивності. Він нагло рвет нити традиції і порушує будь-які межі, втілює святковий і святковий безглуздя, формуючи пасивний тип споживача, приймаючого все як заклик до дії: «Поступай аналогічно!». В зв'язі з цим сьогодні актуальними стають ідеї постійного навчання/самонавчання (один з девізів сучасності «Live Long Learning»), відродження інтелектуального і морального початку особистості, пошуку духовної основи бытия, сприяючих процесу ідентифікації.

Литература:

1. Яковлева Е. Л. Интерпретация как способ интеллектуального возрождения человека / Е. Л. Яковлева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 10 (36). – Ч. I. – С. 207–210.
2. Деррида Ж. О грамматики / Ж. О. Деррида. – М. : AD MARGINEM, 2000. – 504 с.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М., 2012. – 258 с.
4. Савчук В. В. Философия эпохи новых медиа / В. В. Савчук // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 33–42.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
6. Яковлева Е. Л., Зайченко М. А. Рекурсивная форма движения и ее проявления в культуре / Е. Л. Яковлева, М. А. Зайченко // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155. – Кн. 1. – С. 57–66.
7. Яковлева Е. Л. Техника «деятельной безмятежности» в «искусстве быть» / Е. Л. Яковлева // Международный научно-исследовательский журнал = Research Journal of International Studies. – 2012. – № 5–3. – С. 124–125.